

“Гээр Юй, поторапливайся, чего ты там копаешься!” — раздался крик Цай Чуньхуа с порога: “Уже который час, а вы ещё не закончили с макияжем! Быстрее!”

“Жена дяди, мы ещё не закончили с выщипыванием волос на лице”.

“Ладно, ладно, поторопитесь! Люди из деревни Луцзя уже в пути, скоро будут здесь”.

Цай Чуньхуа нетерпеливо топнула ногой. Этот сирота жил у них восемь лет, а от него всего-то десять лянов серебра! Пф-ф! Сплошной убыток! Да ещё пришлось купить две свадебные простыни, свадебный наряд и кучу всякой всячины — ещё два ляна ушло! Два ляна серебра! У неё просто сердце кровью обливается!

В тёмной, плохо освещённой комнате несколько соседок хлопотали вокруг худенького гээра. Обычно он здесь не жил, его комната была в сарае. Но сегодня он выходил замуж и Цай Чуньхуа боялась пересудов, поэтому позволила ему переночевать в комнате его младшей кузины Юэнян.

Женщина, выщипывающая ему лицо, делала это грубо, оставляя на коже красные пятна, но Линь Юй даже не издал звука. Эта боль была ничем по сравнению с побоями и бранью, которые он ежедневно терпел от тётки.

Но несмотря на то, что сегодня должен был быть его счастливый день, на его лице не было ни тени радости. В маленьком дворе царил тишина и лишь его плохо сидящий, наполовину поношенный свадебный наряд выделялся своим красным цветом. Если бы не он, никто бы не догадался, что в доме Чжао сегодня свадьба.

Да что там свадьба, даже этот наряд Цай Чуньхуа купила за пятнадцать вэнь у какого-то деревенского фулана, который носил его до него.

Экономя деньги, Цай Чуньхуа даже не позвала служанок, а попросила соседок помочь с подготовкой. Была лишь ранняя весна, но воздух оставался холодным. Женщины, закутанные в тонкие стёганые куртки, суетились вокруг Линь Юя, а сам он дрожал в своём лёгком свадебном наряде, чувствительность в теле постепенно притуплялась.

Он сидел, словно марионетка, позволяя себя прихорашивать.

На лицо нанесли тонкий слой пудры, чтобы приглушить его нездоровую желтизну, а на потрескавшиеся губы немного румян, чтобы они выглядели не такими сухими. Только после этого он стал выглядеть хоть немного лучше.

Соседка Ли, которая сегодня пришла расчёсывать ему волосы, внезапно охнула: “Гээр Юй, ты так похож на свою мать! Когда-то твоя мама была первой красавицей в округе”.

Хотя Линь Юй прожил в семье Чжао восемь лет, он всегда ходил опустив голову, был робким и молчаливым, так что мало кто приглядывался к его лицу. Но сегодня, когда волосы были аккуратно убраны в причёску, все наконец заметили его внешность: большие круглые глаза, пусть и немного впалые из-за худобы, но всё равно очень красивые.

Кто-то в толпе тихо вздохнул. Как жаль... Ведь Линь Юй выходит замуж за бедного охотника из деревни Луцзя. Говорят, ему почти двадцать, а он до сих пор не женат, у него тяжёлая судьба одинокого звёздного знака, да ещё и настолько беден, что имеется всего одна старая соломенная хижина.

Цай Чуньхуа и правда бессердечная. Когда помогали Линь Юю переодеваться, все видели на его руках до сих пор остались не зажившие следы от побоев и довольно серьёзные.

Да что уж там, она просто жадничает! Эти десять лянов серебра за свадебный выкуп — вот всё, что её интересовало. Ведь гээрам и рожать сложно, но за него дали больше, чем за обычную девушку, которой полагалось бы только восемь лянов. Этот бедный охотник, конечно, не пожалел денег.

Соседка Ли сплюнула с презрением. Цай Чуньхуа никогда не пользовалась уважением у деревенских, а теперь и вовсе продала гээра Юй за десять лянов, да ещё и пожалела денег на новый свадебный наряд.

А Чжао Чжунь, брат его матери, просто тряпка! Это же его родной племянник, а он и слова не сказал.

Лишь когда соседка Ли упомянула его мать, на лице Линь Юя мелькнула слабая тень эмоций. Глаза покраснели, он сжал в руках подол свадебного наряда и прошептал в душе:

“Отец, мать... Юй сегодня выходит замуж”.

Его мать раньше была вышивальщицей, а отец учёным. Их брак был гармоничным и вызывал зависть у многих. Но когда отец поехал сдавать экзамен на сюцая, он бесследно исчез. Мать от горя заболела и вскоре скончалась.

Восьмилетнего Линь Юя забрал к себе дядя Чжао Чжунь. Тётка всегда считала его нахлебником, поэтому все самые тяжёлые и грязные работы в доме доставались ему. Так он и вырос среди побоев и унижений.

Линь Юй подумал о своей свадьбе и в его глазах мелькнуло затухающее разочарование. Дело было даже не в том, что его выдали замуж за бедняка. Гораздо хуже было то, что случилось перед этим.

Этот брак устроили в такой спешке, потому что тётка обвинила его в том, что он якобы

соблазняет своего кузена-учёного, из-за чего тот не может сосредоточиться на учёбе. Поэтому она так быстро нашла для него жениха.

Линь Юй не имел права выбора и мог лишь молча принять этот брак. Говорят, что у жениха тяжёлая судьба, а ещё он не почтителен к родителям. Ну и пусть. Если окажется плохим человеком, то это будет всего лишь ещё один Чжао — ничего нового.

В комнате только двенадцатилетняя Чжао Юэнян плакала, держась за руку Линь Юя.

“Юэнян, не плачь”, — слабо улыбнулся он и погладил девочку по голове.

Из всех, кто был в доме Чжао, Линь Юю тяжелее всего было расставаться именно с ней. Когда он впервые попал сюда, Юэнян было всего четыре года, и она, робея, пряталась за дверь, украдкой наблюдая за ним.

Цай Чуньхуа всегда больше любила сына, Чжао Дачжи, и сильно его баловала, а Юэнян, можно сказать, росла под присмотром Линь Юя. Девочка с малых лет ходила за ним по пятам: вместе ходили в горы собирать хворост, рвали дикие овощи...

После того как Цай Чуньхуа поторопила всех, она ушла на кухню. По правилам, когда девушка или гээр выходит замуж, полагается пригласить родных и близких на свадебный обед.

Но у Линь Юя не было родственников, а звать семью Чжао? Так они только закажут себе несколько столов за её счёт! Жалко тратить деньги!

Поэтому Цай Чуньхуа пригласила только трёх-четырёх соседок помочь с проводами. Но даже так, уже пришлось готовить свадебный стол. Цветного выкупа заплатили немного, а расходов на него полно!

Она поставила на огонь старый рис и, ворча, продолжала ругаться, что приходится кормить чужих людей. Потом недовольно крикнула:

“Чжао Чжунь! Чжао Чжунь! Иди разжигай огонь!”

Чжао Чжунь лениво поднялся из главной комнаты и неспешно пошёл на кухню.

Цай Чуньхуа тут же сорвала на нём раздражение: “Что так долго копаешься?!”

Но Чжао Чжунь был слишком доволен, чтобы обращать внимание на ругань жены, ведь он только что получил десять лянов серебра за свадебный выкуп. Лишь лениво буркнул: “Сделай нормальный обед, чтоб люди не смеялись”.

“Да пошёл ты! А деньги где взять? В доме одни хлебники, откуда тут лишние деньги? Давай, давай, если такой умный!” — Цай Чуньхуа протянула руку к мужу, требуя денег.

Чжао Чжунь даже не стал с ней спорить и просто отмахнулся, отодвинув её руку в сторону.

В маленькой комнате тётюшка Ли, пользуясь привычной деревянной шпилькой Линь Юя, аккуратно собрала ему волосы.

А Чжао Дачжи, прятаясь под окном, сглотнул слюну. Он и не думал, что Линь Юй окажется таким красивым. Знал бы заранее — непременно попробовал бы его на вкус. А теперь что, достанется этому бедному охотнику!

В тот день он разглядывал непристойные картинки и сильно разгорячился. Увидел, как Линь Юй принёс ему воды, и дёрнул его пару раз. Каким бы уродливым тот не был, всё же гээр, мог бы и разрядить его пыл. Но не успел он ничего сделать, как в комнату зашла его мать.

Вот так спешно Линь Юю и подобрали жениха. А теперь, когда он был в свадебном наряде, Чжао Дачжи чувствовал ещё большую досаду.

Цай Чуньхуа вышла из кухни, собираясь помыть пару вялых редок, и тут же заметила, как её сын прижался к окну, разглядывая происходящее в комнате. Она сердито поставила таз и тут же подскочила к нему, дёрнув за ухо.

“Смотри, смотри! Чего уставился?!” — зашипела она: “Эта лисичка совсем тебе голову вскружила! Ясно теперь, почему ты столько лет не можешь сдать экзамен на сюэя — всё из-за этой дряни!”

“Ай-ай-ай, мам, я просто хотел попрощаться с Юем”, — взмолился Чжао Дачжи.

“Обойдётся! А ты марш в комнату и за учёбу!”

Чжао Дачжи неохотно поплёлся к себе, но никак не мог выкинуть из головы увиденное. Раньше Линь Юй носил рваную одежду, всегда опускал голову, а волосы закрывали половину лица. А теперь, надев свадебное платье, он выглядел просто потрясающе, даже лучше, чем те гээры и девушки в Чанчуньюлоу в городке.

Чем больше он об этом думал, тем сильнее его терзало сожаление. Почему же он тогда не довёл дело до конца?! Теперь всё — шанс упущен! Раздосадованный, Чжао Дачжи плюхнулся на кровать и вытащил из-под неё книгу с непристойными картинками, чтобы снова в неё уткнуться.

Все, кто был в комнате, конечно же, слышали крики Цай Чуньхуа. Каждый реагировал по-своему, но выражения на лицах у всех были непростые. Линь Юй тоже побледнел.

Тётушка Ли, соседка семьи Чжао, практически видела, как Линь Юй растёт. Он был молчаливым и тихим мальчиком. Порой, когда они с мужем уходили в поле, Линь Юй даже помогал их старой матери носить воду. Разве мог он быть таким, как о нём говорит Цай Чуньхуа?!

Тётушка Ли презрительно сплюнула. Цай Чуньхуа и вправду злобная женщина! Сегодня день свадьбы Линь Юя, а она прямо при всех порочит имя ещё не вышедшего замуж гээра. Если бы семья жениха услышала, не известно, какой бы скандал устроили!

А сноха из семьи Сун, которая всегда любила посмаковать чужие неприятности, тут же вперила в Линь Юя любопытный взгляд. Кто знает? Они ведь жили под одной крышей. Да и вообще, Линь Юй такой красивый...

С тех пор как Чжао Дачжи в десять лет сдал экзамен на туншэна, Цай Чуньхуа так и норовила задрать нос, мечтая выдать его за дочь министра.

Тётушка Ли сердито зыркнула на сноху семьи Сун, и та поспешно отвела взгляд.

Едва успели закончить приготовления, как во дворе раздались детские голоса: “Жених приехал! Жених приехал!”

Тётушка Ли поспешно усадила Линь Юя на край кровати и накрыла его голову красной вуалью.

“Юй, слушай ведущего церемонии. Что скажут — то и делай”, — напутствовала она.

Линь Юй под вуалью чуть заметно кивнул. Он не мог не нервничать перед неизвестным будущим, но оставалось лишь молиться, чтобы ему попался хороший человек.

На улице громыхнули хлопушки, разгоняя тишину двора. Слышалось оживлённое перешёптывание — народу собралось немало.

Тётушка Ли выглянула из дома, чтобы разглядеть жениха. До их деревни Далицзы от его дома был час пути. Говорили, что он человек плохого нрава, да ещё и беден. Лично его она никогда не видела.

Мужчина, окружённый толпой, был выше остальных. На нём был красный свадебный наряд. У него были выразительные черты лица, крепкое телосложение. Хоть выражение лица казалось суровым, но сегодня, в столь радостный день, он слегка улыбался.

Тётушка Ли не ожидала, что жених окажется таким привлекательным. Да и на непочтительного сына совсем не похож... Она наконец немного успокоилась и с улыбкой подбежала к Линь Юю.

“Юй, твой муж явно мастер в крестьянском труде!”

Слово муж заставило сердце Линь Юя на миг замереть. Муж? Да, он сегодня выходит замуж...

Когда его подняли на руки и понесли к свадебному паланкину, он всё ещё был в некотором оцепенении. У мужчины были сильные руки и тёплая грудь.

Тонкая свадебная одежда не спасала от холода и Линь Юй давно продрог до онемения. А от мужчины исходило приятное тепло и он невольно прижался к нему чуть крепче, чтобы согреться.

Вэй Циншань тоже почувствовал движение своего маленького гээра. Он на мгновение застыл, но затем, крепко обняв своего супруга, уверенно пошёл вперёд.

В тот день он лишь издалека увидел Линь Юя. Тощий гээр выглядел таким маленьким, когда сидел на земле и собирал хворост. Неизвестно почему, но тогда у него вдруг проснулась жалость, и он, не раздумывая, выложил десять лянов серебра, чтобы заключить брачный договор.

Хотя с момента помолвки до свадьбы прошло всего три дня, он был готов. Добытые зимой трофеи позволили не торопиться и не суетиться.

Он знал, что Линь Юй худощав, но лишь взяв его на руки, понял, насколько тот лёгкий — словно перышко.

Когда Линь Юя унесли, Чжао Юэнян, следуя за ними, безудержно рыдала, тихонько зовя брата. А вот Чжао Чжунь и Цай Чуньхуа сияли от радости — наконец-то избавились от этого бремени.

Цай Чуньхуа схватила Чжао Юэнян, не дав ей идти дальше, и приглушённо пригрозила: “Если не прекратишь реветь, марш на кухню готовить!”

Линь Юй тоже слышал плач Чжао Юэнян. Его глаза покраснели и слёзы покатались вниз.

Вэй Циншань почувствовал тепло на тыльной стороне ладони. Он успокаивающе похлопал своего маленького гээра.

Дети, собравшиеся поглазеть на происходящее, возбуждённо щебетали. Вдруг кто-то выкрикнул:

“У нового фулана дыра в ботинке! Ха-ха-ха!”

<http://bllate.org/book/15725/1407279>